

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЦЕНТР ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА»
ВАХИТОВСКОГО РАЙОНА Г. КАЗАНИ**

**Сценарий постановки
«Воспитанница»
(по А.Н. Островскому)**

**Составила:
педагог дополнительного образования
Гордеева Ирина Владиславовна**

Казань - 2021 год

Сцены из деревенской жизни

ЛИЦА: Уланбекова, старуха лет под 60, высокого роста, худая, с большим носом, черными густыми бровями; тип лица восточный, небольшие усы.

Набелена, нарумянена, одета богато, в черном. Помещица 2000 душ.

Леонид, ее сын, 18 лет, очень красив, немного похож на мать. Одет по-летнему. Учится в Петербурге.

Василиса Перегриновна, приживалка, девица 40 лет. Волос мало, пробор косой, коса зачесана высоко, с большой гребенкой. Постоянно коварно улыбается и страдает зубами; желтая шаль около самого горла заколота булавкой.

Потапыч, старый дворецкий. Галстук и жилет белые, фрак черный. С виду важен. Надя, 17 лет, любимая воспитанница Уланбековой, одета как барышня.

Гавриловна, ключница, пожилая женщина, полная, с открытым лицом.

Гриша, мальчик лет 19, любимец барыни, одет франтом, часы с золотой цепочкой. Красив, волосы кудрявые, выражение лица глупое.

Неглигентов, приказный, очень грязный молодой человек.

Лиза, горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; в белом платье, лиф которого короток и сидит неловко; на шее маленький красный платочек, волосы очень напмажены.

Крестьянская девушка, лакей и горничная без речей.

Действие происходит весной, в подгородной усадьбе Уланбековой.

I

Часть густого сада, с правой стороны скамейка, на заднем плане решетка, отделяющая сад от поля.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Надя и Лиза.

Надя. Нет, Лиза, ты этого не говори: какое же может быть сравнение жить в деревне али в городе! Лиза. Какая же такая особенная жизнь в городе? Надя. Там уж все другое; и люди не те, да и порядок совсем другой.

Садятся на скамью.

Когда мы были с барыней в Петербурге, так это только поглядеть надобно было, какие к нам господа ездили и как у нас было убрано в комнатах; опять же барыня везде брала меня с собой, даже и в Петергоф мы ездили на пароходе, и в Царское Село.

Лиза. То-то, я думаю, хорошо!

Надя. Уж так прелестно, что и словами нельзя сказать! Потому что, как хочешь тебе рассказывать, если ты сама не видала, так ничего не поймешь. Еще тогда у нас гостила барышня, племянница барыни, так я с ней по целым вечерам разговаривала, иногда и ночи просиживала.

Лиза. Об чем же вы с ней разговаривали?

Надя. Ну, разумеется, все больше про благородное обращение, об кавалерах там да об гвардейцах. Так как они часто бывают на балах, так и рассказывали, какие у них там разговоры бывают и кто им больше нравится. Только уж какие эти барышни!

Лиза. А что?

Надя. Бойки очень. И откуда они все это знают! А потом мы целую зиму жили в Москве. Видя все это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Уж и держишь себя не так и разговор стараешься иметь особенный.

Лиза. Да к чему же нам себя облагораживать-то! Кому это нужно!

Надя. Как к чему? А вот барыня обещали меня выдать замуж, так я стараюсь так себя образовать, чтоб меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какие жены у наших чиновников, ну на что это похоже? Я в десять раз лучше их понимаю жизнь и обращение. У меня теперь только одна и надежда выйти за хорошего человека, чтобы мне быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядок в доме заведу; у меня не хуже будет, чем у дворянки у какой-нибудь!

Лиза. Дай тебе бог! А замечаешь, как за тобой барин молодой ухаживает?

Надя. Напрасно он ухаживает. Что ж, конечно, он мальчик хорошенький, даже, можно сказать, красавец; только от меня ему ничего не дожидаться; потому что я совсем не таких правил и,

напротив того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня никакого дурного разговору не было. У меня только одно и на уме, что выйти замуж.

Лиза. И замужем иногда тоже житье-то не радость! Другой такой чадо навяжется, что не накажи господи!

Надя. Что ж мне за радость идти за такого! Я, слава богу, могу в людях разобрать: кто хорош, кто дурен. Это сейчас по обращению и по разговору видно. А вот барыня так напрасно это делают, что нас в такой строгости держат и беспрестанный присмотр за нами имеют. Мне даже обидно! Я такая девушка, что без всякого присмотра могу хорошо себя понимать.

Лиза. Кажется, барин идет.

Надя. Так пойдем.

Встают и уходят. Входит Леонид с ружьем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леонид и потом Потапыч.

Леонид. Погодите! Куда вы, куда вы! Что это они всё от меня бегают? Никак их не поймаешь.

Стоит задумавшись. Молчание.

Девушка (поет за решеткой). Никак невозможно без печали жить! Любить друга можно, нельзя не тужить. Леонид (подбегая к решетке). Какая ты хорошенькая! Девушка. Хороша, да не ваша. Леонид. Поди сюда! Девушка. Куда? Леонид. Ко мне в сад. Девушка. А пошто я к тебе пойду? Леонид. Я поеду в город, тебе сережки куплю. Девушка. Молоденек еще! (Громко смеется и уходит.)

Леонид стоит, повесив голову и задумавшись. Входит Потапыч в охотничьем платье, с ружьем.

Потапыч. За вами, сударь, не поспеешь; у вас ножки-то молоденькие. Леонид (все еще задумавшись). Ведь все это, Потапыч, мое будет.

Потапыч. Все, сударь, ваше, и мы все ваши будем... Как, значит, при барине, при покойнике, так все равно и вам должны... Потому одна кровь... Уж это прямое дело. Конечно, продли бог веку вашей маменьке...

Леонид. Я уж тогда, Потапыч, служить не стану, прямо в деревню приеду, здесь и буду жить. Потапыч. Нельзя, сударь, вам не служить. Леонид. Ну да, как же! Нужно мне очень! Еще писать заставят! (Садится на скамейку.)

Потапыч. Нет, сударь, зачем же вам самим дело делать! Уж это не порядок! Вам такую службу найдут -- самую барственную, великатную; работать будут приказные, а вы будете над ними надо всеми начальником. А чины уж сами собой пойдут.

Леонид. Разве виц-губернатором сделают либо в предводители выберут! Потапыч. Что ж мудреного! Леонид. А что, как я буду виц-губернатором, ты меня будешь бояться?

Потапыч. Чего же мне бояться? Это другие точно должны раболепствоваться, а нам все равно, вы наш барин; для нас даже еще чести больше.

Леонид (не слушая). А что, Потапыч, много у нас хорошеньких девушек?

Потапыч. Вот видите ли, сударь, если взять в рассуждение, так оно точно, как девушек не быть! Есть и в вотчине, и в дворне; только притом же надобно сказать, что у нас насчет этого строгости большие. Наша барыня, по их строгой жизни и по своему богомольству, очень за этим наблюдают. Теперича возьмите то: воспитанниц и горничных, которых любят, сами замуж отдают. Коли где им человек понравится, за того и отдают, и приданое дают, не большое -- этого нельзя сказать. У нас всегда воспитанницы две или три не переводятся. Возьмут у кого-нибудь девочку, воспитают ее; а как минет лет семнадцать или восемнадцать, так без всякого разговора и отдают замуж, за

приказного или за мещанина в город, как им вздумается, а иногда и за благородного. Да, сударь, да! Только какое житье этим воспитанницам, сударь! Беда!

Леонид. А что?

Потапыч. Уж очень строго. Скажут: я тебе нашла жениха, и вот, скажут, тогда-то свадьба, ну и конец, тут уж разговаривать ни одна не смей! За кого прикажут, за того и ступай. Потому что, сударь, я рассуждаю так, кому же приятно, давши воспитание, да видеть непокорность. А бывает, сударь, и так, что и жених невесте не нравится, и невеста жениху: так уж тут очень гnevаются. Так даже из себя выходят. Пожелали они одну воспитанницу отдать за лавочника в город, а он, человек неполированный, вздумал было сопротивляться. Мне, говорит, невеста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Так в те поры и городничему жаловались, и отцу протопопу: ну и уломали дурака.

Леонид. Вот как!

Потапыч. Да-с. Они даже и у знакомых у кого, если увидят девушку, так сейчас и ищут ей жениха. Наша барыня так рассуждают, что они глупы; если теперича над ними попечения не иметь, так они зря и проживут, без всякого порядка. Точно так, сударь. Некоторые даже, по своей глупости, прячут девок-то от барыни, чтоб они как-нибудь на глаза не попались; потому тут им уж и конец.

Леонид. Так она и чужих точно так же?

Потапыч. И чужих. На всех свою заботливость простирают. Такое доброе сердце имеют, что обо всех беспокоятся. И уж очень сердятся, когда без их спросу делают. А уж как о своих воспитанницах заботятся, так это на редкость. Одевают их, как бы истинно своих родных дочерей, и иногда с собой кушать сажают, и работать ничего не заставляют. Пускай, говорят, смотрят все, как у меня живут воспитанницы; хочу, говорят, чтоб все им завидовали.

Леонид. Что ж, это хорошо, Потапыч.

Потапыч. И какое трогательное поучение делают, когда замуж отдают! Вы, говорят, жили у меня в богатстве и в роскоши и ничего не делали; теперь ты выходишь за бедного, и живи всю жизнь в бедности, и работай, и свой долг исполняй. И позабудь, говорят, как ты у меня жила, потому что не для тебя я это делала: я себя только тешила, а ты не должна никогда об такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и из какого ты звания. И так чувствительно, даже у самих слезки.

Леонид. Что ж, это хорошо.

Потапыч. Не знаю, как сказать, сударь. Как-то все скучают замужеством-то потом, сохнут больше.

Леонид. Отчего же, Потапыч, сохнут?

Потапыч. Должно быть, не сладко, коли сохнут. Леонид. Странно это!

Потапыч. Мужья-то больше всё разбойники попадаются.

Леонид. А, вот что!

Потапыч. Уж очень все льстятся на наших воспитанниц, потому что барыня сейчас свою протекцию оказывают. Теперь, которых отдали за приказных, так уж мужьям-то жить хорошо; потому, если его выгнать хотят из суда или и вовсе выгнали, он сейчас к барыне к нашей с жалобой, и они уж за него горой, даже самого губернатора беспокоят. И уж этот приказный в те поры может и пьянствовать, и все; и уж никого не боится; только разве когда сами поругают или уж проворуется очень...

Леонид. А скажи, Потапыч, отчего это девушки бегают от меня?

Потапыч. Как же им не бегать, им нельзя не бегать, сударь!

Леонид. Да отчего ж нельзя?

Потапыч. Хм! Отчего? По тому самому, как вы еще в малолетствии, так барыня хотят вас соблюсти как должно: ну, и их тоже соблюдают.

Леонид. Соблюдает, ха-ха-ха!

Потапыч. Да-с! Уж это верно! Разговор был об этом. Вы как есть ребенок, все равно что голубь, ну а девки глупы.

Молчание.

Да что ж, сударь: маменька ваша обыкновенно должны строгость наблюдать, потому как они дамы. А вам что на них смотреть! Вы сами по себе должны поступать, как все молодые господа поступают. Уж вам порядку этого терять не должно. Что ж вам от других-то отставать! Это будет к стыду к вашему.

Леонид. Так-то так, да не умею я с девушками разговаривать.

Потапыч. Да вам что с ними разговаривать-то долго! Об чем это? Об каких науках вам с ними разговаривать? Нешто они что понимают! Обыкновенно, вы барин, ну вот и конец.

Леонид (смотрит в сторону). Кто это там идет? Это Надя, кажется. Ах, Потапыч, какая она хорошенькая!

Потапыч. Она, сударь, мне сродственница доводится, племянница. Ее отец еще покойным барином был на волю отпущен; он в Москве при кондитерской должности находился. Как мать у нее померла, ее барыня и взяли на воспитание и очень любят. А потом у ней и отец теперича помер, значит сирота теперича выходит. Девушка хорошая.

Леонид. Они, кажется, сюда идут.

Потапыч. Ну что ж, пуцай.

Входят Гавриловна и Надя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Гавриловна и Надя.

Гавриловна. Здравствуйте, барин хороший! Леонид (кланяется). Здравствуйте! Гавриловна. А что, барин, чай, вам скучно в деревне-то? Леонид. Нет, ничего. Гавриловна. Ну, уж как, чай, не скучать! Ишь ведь у нас точно монастырь, в сто глаз смотрят. Ну, а вы, известное дело, молодой человек и позабавились бы чем-нибудь, да нельзя. Не велико веселье-то уток стрелять! (Смеется.) Леонид (подходя к Гавриловне). Да, да, Гавриловна. Надя (Гавриловне). Пойдем. Гавриловна. Куда это идти-то? Ты бы вот, благо барыни-то дома нет, побалагурила б с молодым барином. Молодым людям то и надобно. А какая она у нас умная, барин! И поговорить, и все. Надя. Ну, что хорошего! Гавриловна. Да и дурного-то ничего нет! Я молода была, от господ не бегала, да вот не съели же меня. Авось и он тебя не укусит. Полно скромничать-то, останься! А я пойду чай готовить! Прощайте, барин хороший! (Уходит.) Леонид. Отчего вы не хотели со мной остаться? Потапыч. Что это вы, барин, ей вы говорите, точно барышне. Леонид. Чего же ты боялась?

Надя молчит.

Потапыч. Говори, что ж ты молчишь! А я, сударь, пойду, мне также к чаю одеться надобно.
(Уходит.) ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Леонид, Надя и потом Лиза.

Надя. Конечно, я девушка простого звания, а ведь и нам тоже не хочется, чтоб об нас дурно говорили. Сами извольте посудить, кто же меня после таких разговоров замуж возьмет? Леонид. Ты разве замуж выходишь? Надя. Да-с. Какая же девушка не надеется когда-нибудь выйти замуж? Леонид. А у тебя уж есть жених? Надя. Еще нет-с. Леонид (робко). Если нет жениха, так ты, может быть, влюблена в кого-нибудь? Надя. Уж вы очень любопытны. Да нет, нечего на себя и лгать, ни в кого я не влюблена-с. Леонид (с большею робостью). Полюби меня! Надя. Насильно сердце заставить нельзя-с. Леонид. Отчего же? Разве я тебе не нравлюсь? Надя. Нет-с, как можно, чтоб вы не нравились! Да вы нам неровня! Какая уж это любовь! видимая погибель. Вот Лиза бежит, должно быть, за мной! Прощайте! Счастливо оставаться!

Уходит. Лиза входит.

Лиза. Барин, пожалуйста! Маменька приехала. Леонид. Лиза! Лиза (подходя). Что вам угодно? Леонид (обнимает Лизу; она вздрагивает от удовольствия). Отчего Надя меня любить не хочет? Лиза (жеманясь). Как вы, барин, рассуждаете! Наша сестра, уж известно, себя беречь должна! Леонид. Как беречь? Лиза (смотрит ему в лицо и улыбается). Уж известно как. Что это, словно вы маленький. Леонид (печально). Что же мне теперь? Я уж и не знаю. Все от меня бегает. Лиза. А вы куражу не теряйте; поволочитесь хорошенько! Ведь сердце-то у нас тоже не каменное. Леонид. Да что уж! Я у нее спрашивал: она говорит, что не любит. Лиза. Ах, вы какой чудной, барин! Да кто ж у девушек прямо спрашивает, любят или нет. Хоть бы другая наша сестра и любила, так не скажет. Леонид. Отчего же? Лиза. Потому стыдно. Однако пустите, барин! (Освобождается.) Вон нимфа-то [1] идет. Леонид. Приходите уже в сад после ужина, как маменька спать ляжет. Лиза. Ишь вы какие проворные! Леонид. Пожалуйста, приходите. Лиза. Ну, уж там видно будет.

Входит Василиса Перегриновна.

Барин, чай пожалуйста кушать, маменька дожидается. Леонид. Хорошо, сейчас. ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна. Видела, мой друг, видела. Лиза. Нечего видеть-то было.
(Уходит.) Леонид. Ну что ж что видели? Жаловаться, что ли, станете? Так я скажу, что вы лжете.

Кому больше поверят: вам или мне? (Делает гримасу и уходит.) Василиса Перегриновна. Вот все-то так со мной. Моченьки моей нету! Все сердце изболело. Мученица я на этом свете. (Срывает с сердца цветок и обрывает с него лепестки.) Кажется, кабы моя власть, вот так бы вас всех! Так бы вас всех! Так бы вас всех! Погоди ж ты, мальчишка! Уж я тебя поймаю! Кипит мое сердце, кипит, ключом кипит. А вот теперь иди, улыбайся перед барыней, точно дура какая! Эка жизнь! Эка жизнь! Грешники так в аду не мучаются, как я в этом доме мучаюсь. (Уходит.)

II

Гостиная. Прямо отворенная дверь в сад, по сторонам двери, посередине круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из боковой двери выходят: лакей с самоваром и девка с чайным прибором; ставят то и другое на стол и уходят. Гавриловна и Потапыч входят за ними. Гавриловна приготавливает чай. Василиса Перегриновна выходит из саду.

Василиса Перегриновна. Вы мне, моя милая, всегда только одной воды наливаете. Гавриловна. Крепкий-то чай вам нездорово пить, сударыня. Василиса Перегриновна. Не ваше дело обо мне заботиться! Гавриловна. Он грудь сушит, а вы уж и так совсем высохли. Василиса Перегриновна. Эка жизнь! Эка жизнь! Не от чаю я, милая, высохла, от обиды людской я высохла. Гавриловна. Обидишь вас! Вы сами всех обижаете, точно вас что поджигает. Василиса Перегриновна. Не смеешь ты так со мной разговаривать! Ты помни, кто я. Я сама была помещица; у меня такие-то, как ты, пикнуть не смели, по ниточке ходили. Не давала я вашей сестре зазнаваться. Гавриловна. Были, да сплыли. То-то вот бодливой корове бог рог не дает. Василиса Перегриновна. Изверги вы мои, злодеи! Смерти вы моей желаете. Скоро я умру, скоро; чувствует душа моя скорую мою кончину! (Поднимает глаза к небу.) Закрой меня от людей, гробовая доска! Прими меня к себе, сырая земля! То-то вам радость будет, то-то веселье! Потапыч. Нам что ж! Нам какая оказия!.. Живите себе! Гавриловна. Пока бог грехам терпит. Василиса Перегриновна. За свои грехи уж я здесь намучилась; чужие грехи теперь оплакиваю, Гавриловна. Лучше бы вы чужих-то грехов не трогали. А то помирать сбираетесь, а чужие грехи пересуживаете. Нешто вы не боитесь? Василиса Перегриновна. Чего бояться? Чего мне бояться? Гавриловна. А того, что с крючком-то сидит. Уж он, чай, поджидает. Василиса Перегриновна. Где я! Где я! Боже мой! Точно я в омуте каком, изверги...

Входят с левой стороны: Уланбекова, Надя, Лиза и Гриша.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Уланбекова, Гриша, Надя и Лиза.

Василиса Перегриновна. Помолиться, благотельница наша, изволили? Уланбекова. Да, к вечерне ездил в город, праздник нынче там. Василиса Перегриновна. Много благодеяний рассыпали нестоющим людям? Уланбекова. Нет, только в Пустую улицу заезжала, к старику Неглигентову. Просил меня устроить его племянника: крестник ведь он мне. Жаль этих людей! Василиса Перегриновна. Уж вы, матушка, всем благотельница. Всем таки, всем! Которые и взгляду-то вашего не стоят, вы и тем благотельствуете. Уланбекова (садится). Нельзя же, душа моя! Нужно делать ближним добро. Василиса Перегриновна. Да чувствуют ли они это добро-то? Могут ли они понять, бесчувственные животные, сколько вашего для них снисхождения? Уланбекова. А мне все равно, милая! Для себя надо добро делать, для своей души. Заезжала потом к исправнику, просила, чтоб Неглигентова столоначальником сделал. Василиса Перегриновна. Да, благотельница, стоит ли... Уланбекова. Не перебивай! Станный человек у нас исправник; я его прошу, а он говорит: места нет. Я ему говорю: вы, кажется, не понимаете, кто вас просит? Что ж, говорит, не выгнать же мне хорошего человека для вашего крестника. Грубый человек! Однако обещал! Василиса Перегриновна. Еще бы он смел! Я и понять не могу, как это у него язык-то повернулся против вас. Вот уж сейчас необразование-то и видно. Положим, что Неглигентов, по жизни своей, не стоит, чтобы об нем и разговаривать много, да но вас-то он должен сделать для него все на свете, какой бы он там ни был негодяй. Уланбекова. Ты не забывай, что он мой крестник. Василиса Перегриновна. Я про то вам и докладываю, благотельница: крестник он вам, ну и конечно дело, он никаких и разговоров не должен слушать. А то мало ли что говорят! Вот говорят, что он беспутный совсем, что дядя его в суд определил, а он оттуда скрывается; целую неделю пропадал, говорят, где-то версты за четыре на большой дороге, подле кабака, рыбу ловил. Да что пьянствует не по летам. Да кому ж какое дело; значит, он стоит того, когда вы за него просите! Уланбекова. Я этого не слыхала и пьяным его не видала никогда; а просила я за него исправника, потому что он мой крестник. Я ему вместо матери. Василиса Перегриновна. Знаю, благотельница, знаю; все это знают, что вы, если захотите, так можете из грязи человеком сделать; а не захотите, так будь хоть семи пядей во лбу, так в ничтожестве и пропадет. Сам виноват, отчего не умел заслужить! Уланбекова. Я, кажется, никому зла не сделала. Василиса Перегриновна. Какое же зло? Да вы, по своему ангельскому сердцу, и мухи не обидите! Оно, конечно, все мы люди не без греха, дел же у вас много; на всех нельзя угодить! Коли правду говорить, так, благотельница вы моя, довольно-таки народу и на вас плачутся. Уланбекова. Кто же на меня плачется? Что ты врешь! Василиса Перегриновна. Вам, благотельница наша, всего знать нельзя. Да и не стоит вам, по вашей барственности, о всякой дряни беспокоиться. А хоть и плачутся, что на них смотреть, стоят ли они того? Вы уж другим-то много благодеяний делаете, так вам, нашей благотельнице, бог простит. Уланбекова. Я все-таки желаю знать, кого я обидела? Василиса Перегриновна. Есть-таки, благотельница. Уланбекова (строго). Да кто же, говори! Василиса Перегриновна. Не гневайтесь, благотельница! Это я так сказала, потому что, сами знаете, какой нынче народ стал обидчивый, ничем не довольный. Уланбекова. Это ты сказала для того, чтобы сделать мне какую-нибудь неприятность. Василиса Перегриновна. Лопни глаза мои! Уланбекова. Ну, уж я тебя знаю. Ты душой не покойна, если чего-нибудь обидного не скажешь. Будь ты, пожалуйста, осторожней; а то ты меня когда-нибудь выведешь из терпения, тебе ж будет хуже.

Молчание.

Давайте чаю. Гавриловна. Сейчас, сударыня. (Наливает две чашки.)

Потапыч подает Уланбековой и Василисе Перегриновне.

Уланбекова. Налей и Грише: он нынче ездил со мной, устал. Гавриловна. Налью, сударыня. (Наливает и подает Грише.) Гриша. Что ж молока-то мало налила? Жаль тебе, что ли? Гавриловна (подливает молока). И так тебя, как теленка, уж отпоили.

Гриша берет чашку и уходит за дверь в сад.

Уланбекова. Я думала вот Надю отдать за Неглигентова -- с приличным награждением, разумеется. Ты говоришь, что он дурную жизнь ведет, так надобно будет свадьбой поторопиться. Она у меня девушка хороших правил, будет его удерживать, а то он от холостой жизни совсем избалуется. Холостая жизнь ужасно портит молодых людей. Надя (Лизе). Слышишь, Лиза? Что же это! Боже мой! Лиза. Вот и слушай, а говорить нельзя. Василиса Перегриновна. Давно, благотельница, пора отдать ее; что ей болтаться-то! Теперь же сынок-то ваш, наш ангельчик, сюда приехал. Уланбекова. Ах, перестань! что ты еще выдумываешь? Он ребенок совсем. Василиса Перегриновна. Ребенок, благотельница! Уж нечего сказать, дал вам бог сына на радость да на утешение. И мы-то все на него не нарадуемся. Словно солнце какое у нас показалось. Такой добрый, такой веселый, такой ко всем ласковый! А уж за девушками так и бегают; проходу нигде не дает; а они-то, дуры, рады-радехоньки, так и ржут. Уланбекова. Врешь ты! Мне кажется, ему девушек и видеть негде, они весь день на своей половине, да и не ходят никуда. Василиса Перегриновна. Ах, благотельница! да девку никакими замками не удержишь, коли она что сделать задумает. Уланбекова. Слышишь, Гавриловна! Ты у меня смотри за девками. Ты знаешь, я разврата не терплю. Скажи это всем строго-настрою. (Василисе Перегриновне.) Да нет, этого быть не может. Ты меня только расстроиваешь своими глупостями. Экая ты скверная на язык! Очень нужно тебе было болтать! Теперь у меня из головы не выйдет. Смотри же, Гавриловна! Гавриловна. Что вы, сударыня, ее слушаете! Василиса Перегриновна. Да что ж, благотельница, разве я что дурное говорю! Смею ли я подумать-то про него, про ангельчика? Конечно, еще ребенок, поиграть ему хочется, а здесь товарищей ему нет: он с девушками и играет. Уланбекова. Яд у тебя на языке. (Задумывается.)

Потапыч принимает чашки. Гавриловна наливает и подает. Гриша приходит из сада, толкает Гавриловну и делает знак головой, чтобы налила еще. Гавриловна наливает. Гриша уходит.

А Надю все-таки нужно замуж отдать. Надя (почти плача). Сударыня, я нами так была обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смею теперь вам говорить; но, по вашему ко мне расположению, я от вас совсем не такой милости ждала. Чем же я вам теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать? Уланбекова. Ты, милая, об этом рассуждать не можешь: ты девушка. Ты должна во всем положиться на меня, на свою благотельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что он мой крестник. Ты бы за честь должна была благодарить. Да и вот еще я тебе скажу один раз навсегда: я не люблю, когда рассуждают, просто не люблю, да и всё тут. Этого позволить я не могу никому. Я смолodu привыкла, чтоб каждого моего слова слушались; тебе пора это знать! И мне очень странно, моя милая, что ты осмеливаешься возражать мне. Я вижу, что избаловала тебя; а вы ведь сейчас зазнаетесь.

Надя плачет.

Василиса Перегриновна. Благотельница, чувство нужно человеку иметь, чувство! А какое ж в них может быть чувство, кроме неблагодарности? Уланбекова. Не с тобой говорят! Что ты вмешиваешься во всякое дело! (Наде строго.) Это что за новости? ты плакать еще! Чтобы этих слез не было!

Надя плачет.

Я тебе говорю. (Привстает.) Для меня ваши слезы ровно ничего не значат! Когда я захочу что-нибудь сделать по-своему, уж я поставлю на своем, никого в мире не слушаюсь! (Садится.) И вперед знай, что упрямство твое ни к чему не поведет; только ты рассердишь меня. Надя (плача). Сирота я, сударыня! Ваша воля во всем. Уланбекова. Еще бы! разумеется, моя воля; потому что я тебя воспитала; это все равно что жизнь дала.

Леонид входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Леонид.

Леонид. Здравствуйте, мамаша! Уланбекова. Здравствуй, мой друг! Где ты был? Леонид. Ходили на охоту с Потапычем; я, мамаша, двух уток убил. Уланбекова. Не жалеешь ты матери; ну с твоим ли здоровьем, мой друг, на охоту ходить! Захвораешь еще, сохрани господи, тогда ты меня просто убьешь! Ах, боже мой, сколько я страдала с этим ребенком! (Задумывается.) Гавриловна. Барин, угодно чаю? Леонид. Нет, не хочу. Уланбекова (Василисе Перыриновне). Когда я родила его, я была очень долго больна; потом он все хворал, так и рос все хворый. Сколько я над ним слез пролила! Бывало, гляжу на него, а у самой так слезы и катятся: кет, не придется мне его видеть в гвардейском мундире. Но тяжелей всего мне было, когда отец, по болезни, должен был его определить в штатскую школу. Чего мне стоило, моя милая, отказаться от мысли, что он будет военный! Я полгода больна была. Ты представь только себе, моя милая, когда он кончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В поенной службе, особенно в кавалерии, все чипы благородны; даже юнкер, уж сейчас видно, что на дворян. А что такое губернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником: и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй. Только стоит поучиться да послужить. Другой и из мещан способен к ученью-то, так он еще, пожалуй, чином-то обгонит. Как это заведено! Как это заведено! Ну уж! (Махнув рукой, отворачивается.) Не люблю я ничего осуждать, что от высшего начальства установлено, и другим не позволяю, а уж этого не похваляю. Всегда буду вслух говорить, что это несправедливо, несправедливо. Леонид. Отчего это у Нади глаза заплаканы? Василиса Перегриновна. Не бита давно. Уланбекова. Это, мой друг, до тебя не касается. Надя, поди отсюда, тебе нечего здесь делать.

Надя уходит.

Леонид. А я знаю об чем: вы ее замуж хотите выдать. Уланбекова. Отдаю я ее замуж или нет, это, мой друг, уж мое дело. Да я и не люблю, кто в мои распоряжения вмешивается. Василиса

Перегриновна. Какой вы у нас умный, все-то знаете, во все-то входите! Леонид. Ах, мамаша, я и не вмешиваюсь в ваши распоряжения. Только он пьяница. Уланбекова. Опять-таки это не твое дело. Предоставь об этом судить матери. Леонид. Мне только, мамаша, жалко ее. Уланбекова. Все это прекрасно, мой друг; но желала бы я знать, от кого ты слышал, что я выдаю Надю замуж. Если это из дворни кто-нибудь... Леонид. Нет, мамаша, нет. Уланбекова. Откуда же тебе знать иначе? Когда это передать успели! (Гавриловне.) Узнать непременно! Леонид. Да нет, мамаша, мне сам жених ее сказывал. Уланбекова. Какой жених? Леонид. Я не знаю какой! Он говорит, что чиновник, такая мудреная фамилия: Неглигентов. Какой он смешной! Он говорит, что ваш крестник и никого не боится. Теперь пляшет пьяный в саду Уланбекова. Пьяный, в моем доме! Леонид. Хотите, я его позову. Потапыч, позови Неглигентова! Он говорил, что вы нынче были у его дяди и обещали отдать за него Надю. Он теперь уж заранее рассчитывает, сколько доходов будет получать в суде, или халтуры, как он говорит. Какой он смешной! Он мне представлял, как его учили в училище. Хотите, я при вас его заставлю?

Потапыч и Неглигентов входят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Неглигентов и Потапыч.

Уланбекова. Ах, ах, какой противный! Не подходи ко мне! Неглигентов. Послан от дяди возблагодарить за щедроты ваши. Леонид. Он говорит, мамаша, что его много учили, только никак нельзя было выучить. Неглигентов. Невозможно, от рождения не имел способностей к наукам; верберов по пятьдесят и по сто получал почти ежедневно; но понятия не прибавлялись. Леонид. Ах, мамаша, как он смешно рассказывает про свое ученье! Вот послушайте. Ну, а как ты по-латыни учился? Неглигентов. Турписсимо! Уланбекова (пожимая плечами). Это что такое? Неглигентов. Весьма гнусно. Леонид. Нет, постойте, а что учитель с тобой делал? Неглигентов (хохочет). Смеха достойно. Однажды, после жестокого истязания, приказал двум ученикам привязать меня за шею кушаком и водить по базару для посмеяния. Уланбекова. Как же тебя на службу-то приняли, когда ты ничему не выучился? Неглигентов. По ходатайству с ильных лиц. Леонид. Ну, а из училища тебя выгнали? Неглигентов. Не выгнали; но исключили за великовозрастие. Леонид. Как за великовозрастие? Неглигентов. А так как я в продолжение учения и истязаний, оставаясь в одних классах, возмужал и возрос более всех своих сверстников, то и был исключен за великовозрастие. Более же я пострадал от мздоимства начальствующих. Наш ректор любил приношения и перед экзаменами за неделю рассылал нас всех по родителям за подарками. По количеству сих подарков мы и переводились в высшие классы. Леонид. А поведения ты был какого? Неглигентов. Предосудительного. Уланбекова. Что это такое! Боже мой! Поди вон, любезный, поди вон! Леонид. Ах, мамаша, он очень смешон! погодите его гнать. Неглигентов, пляши! Неглигентов (пляшет и поет). Я пойду, пойду косить Во зеленый луг.

Гриша хохочет.

Уланбекова. Перестань, перестань!

Неглигентов перестает.

(Грише.) Чему ты смеешься? Гриша. Да уж очень смешно член пляшет. Уланбекова. Как член? Гриша. Да он нам всем говорит, что он в суде член, а не писарь. Так его членом и ищут. Неглигентов. Членом я называю себя, хотя и ложно, но, собственно, для уважения от дворовых челядинцев и чтоб избежать глумления и обид. Уланбекова. Поди вон и не смей никогда ко мне являться. Неглигентов. Дядя говорит, что я впал в разврат от холостой жизни и что я могу погрязнуть в оном, если вы меня не облагодетельствуете. Уланбекова. Нет, нет, никогда! Неглигентов (на коленях). Дядя велел мне слезно умолять вас, потому что я человек потерянный, подверженный многим порокам, и без ваших благодеяний терпим быть на службе не могу. Уланбекова. Скажи своему дяде, что благодетельствовать я вам буду всегда; а ты об невесте и не думай. Поди, поди! Неглигентов. Благодарим за неоставление! (Грише.) Просись на гулянку у барыни и догоняй! (Уходит.) ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Неглигентова.

Уланбекова. Как можно ошибиться в людях! Хлопочешь об них, заботишься, а они даже и не чувствуют. Я было хотела устроить счастье для этого мальчика, а он лезет в дом пьяный. Уж если он подвержен этой слабости, так по крайней мере старался бы скрывать ее от меня. Пей он там, где хочет, да чтоб я-то не видала! Я бы тогда знала по крайней мере, что он меня уважает. Какое невежество! Какая дерзость! Кого же он побоится, если не боится меня? Леонид. Ах, какой он смешной! Вы на меня, мамаша, не сердитесь! Когда я узнал, что вы хотите отдать за него Надю, мне стало ее жалко. Вы у нас такая добрая! (Целует у ней руку.) Мне не хотелось, чтоб вы сделали несправедливость. Уланбекова. С этим народом, не согреша, согресишь! (Целует его.) Прекрасную душу ты имеешь, мой друг! (Василисе Перегриновне.) Вот я всегда верила, что иногда сам бог говорит устами младенцев. Лиза! поди скажи Надежде, чтоб она не плакала, что я прогнала ее жениха. Лиза. Слушаю-с! (Уходит.) Гриша (подходит, раскачиваясь, и становится в непринужденную позу). Сударыня! Уланбекова. Что тебе? Гриша. Позвольте мне и город сходить; нынче там праздник. Уланбекова. Зачем это ты пойдешь? На пьяных смотреть? Гриша (заложив руки назад). Позвольте-с. Уланбекова. Незачем, незачем. Гриша. Уж позвольте, сударыня. Уланбекова. Говорю тебе, что незачем. На этих гуляньях только нравственность портится. Там всяких мерзостей наслушаешься! Ты еще мальчик, нечего тебе там делать! Гриша. Нет, уж вы позвольте-с! Уланбекова. Останься. Выкинь из головы эти глупости! Гриша. Что ж это такое! Служи, служи, а уж и погулять никогда нельзя. Василиса Перегриновна. Ах-ах-ах, ах-ах-ах! До чего ты избалован! До чего ты избалован! Уланбекова. Что ты раскудаhtалась! Молчи! Василиса Перегриновна. Да как же, благодетельница, молчать-то? Такое бесчувствие! Такая неблагодарность! Сердце надрывается. Уланбекова. Я тебе приказываю молчать, так ты и должна молчать. Гриша. Уж вы позвольте-с! Василиса Перегриновна. Его ль не любят, его ль не ласкают, кажется, больше сына родного! Уланбекова (топнув ногой). Сс!.. Я тебя прогоню. Гриша. Мне очень хочется на гулянку-то, уж позвольте-с! Уланбекова. Ну, ступай, только приходи раньше! Гриша. Слушаю-с! Василиса Перегриновна. Ручку-то поцелуй, дурак! Гриша. Что вы меня учите, я свое дело знаю. (Целует руку у барыни и уходит.) Уланбекова. А тебя, моя милая, если я еще услышу когда-нибудь подобное, я велю с двора метлами согнать.

Уходит. Василиса Перегриновна стоит в оцепенении.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Уланбековой и потом Лиза.

Леонид. Что, дождались? Ну и поделом! Василиса Перегриновна. Будет и на нашей улице праздник.

Лиза входит.

Лиза (тихо Леониду). Надя велела вам сказать, что мы уже придем в сад. Леонид. Поцелуй ее от меня. Гавриловна. Дай вам бог здоровья, барин, что за нас заступаетесь. Обидеть-то нас всякая дрянь умеет, заступиться-то только за нас некому. За много это вам, барин, на том свете сочтется. Леонид. Я всегда за вас готов. (Уходит, припрыгивая, направо.) Гавриловна. Спасибо тебе, батюшка! (Уходит с Лизой налево.) ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Василиса Перегриновна и Потапыч.

Василиса Перегриновна. Что ж ты меня не обижаешь? Они обижают, а ты что ж? Слышал, сама-то уж бить хочет; метлами, говорит, велю. Чтоб ее лопнуло! Потапыч. Я что ж... Мне человека обидеть что ж! А что там господа... это я не знаю, может оно так и нужно. Василиса Перегриновна. Видишь ты, что в доме-то делается? Видишь? Понятно тебе или нет? Как я давеча стала про Гришу-то говорить, слышал, как сама-то зарычала? Слышал, как зашипела? Потапыч. Мне что! Я по милости барыни при своей должности... я все порядки произвожу... А какое мне дело? Что не мое дело, я того не знаю. Василиса Перегриновна. А видел, как Надька-то с Лизкой смотрели на меня? Видел, как аспидски смотрели? Ох, нужно глядеть за ними, ох, нужно!

Потапыч, махнув рукой, уходит.

У, ты, старый дурак! Экой народец! Экой народец! Не с кем и поговорить-то, душу отвести. (Уходит.)

III

Часть сада; на заднем плане пруд, у берега лодка. Светлая ночь. Вдали слышится хороводная песня. Сцена несколько времени пуста.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Выходят Надя и Лиза.

Лиза. Ах, Надя, что это мы делаем! Ну, как барыня узнает, тогда и не живи на свете. Надя. Коли ты боишься, так ступай домой. Лиза. Нет, уж я подожду тебя. А все-таки, что ты ни говори, страшно, девушка! Сохрани господи, как узнают! Надя. Наладила одно! Волка бояться, так в лес не ходить. Лиза. Да что это с тобой сделалось? Ты прежде не так разговаривала; прежде пряталась, а теперь сама идешь к нему. Надя. Да, прежде бегала от него, теперь не хочу. (Стоит задумчиво.) Теперь и сама не знаю, что со мной вдруг сделалось!. Как только барыня сказала, чтоб не смела я разговаривать, а шла за кого прикажут, так у меня все сердце перевернулось. Что я подумала, за жизнь моя, господи! (Плачет.) Что в том проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только от слова от какого, а и от взгляду-то! Так меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мне беречь-то себя? Вот не хочу ж, не хочу! А у самой так сердце замерло: кажется, еще скажи она слово, я б умерла на месте. Лиза. Что ты говоришь! я ведь думала, что ты шутишь к барину-то вышла. Надя. Какие шутки! Не могу я обиды переносить! не могу!

Молчание.

Эх, Лиза, будь жизнь получше, не пошла б я ночью в сад. Помнишь, бывало, как я об себе раздумывала, да и тебе самой, чай, тоже в голову приходило, что вот ты девушка честная, живешь ты себе как птичка какая; вдруг тебе понравился некоторый человек, он за тебя сватается, ходит к тебе часто, целует тебя... тебе и стыдно-то его, и рада ты ему. Все это идет порядком. Хоть и не богато, хоть, может быть, сидишь ты с женихом в людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздник. Потом обвенчают, все тебя поздравляют. Ну, там хоть и трудно будет замужем жить, может быть, работы много будет, да зато живешь ты как в раю; словно ты гордишься чем! Лиза. Разумеется, девушка. Надя. А как тебе скажут: ступай за пьяного, да еще и разговаривать не смей, и поплакать-то о себе не смей... Ах, Лиза!.. Да как подумаешь, что станет этот безобразный человек издеваться над тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубит он твой век так, ни за что! Не живя ты за ним состаришься! (Плачет.) Говорить-то только свое сердце надрывать! (Махнув рукой.) Так уж, право, молодой барин лучше. Лиза. Ах, Надя! Не ты б говорила, а не я б тебя слушала. Надя. Полно, Лиза! что ты передо мной-то скромничаешь! Ну, а сама что, кабы тебя барин полюбил? Лиза (заминаясь). Да как знать! уж, конечно, что говорить... враг-то силен. Надя. То-то вот!..

Молчание.

Я тебе вот что, Лиза, хотела сказать, вот какая премудрость со мной сделалась: как пошли мне такие мысли о голому, и как стала это я, Лиза, думать об барине, и так он мне мил сделался!.. так мил, что я уж и не знаю!.. Прежде, когда он ухаживал за мной, мне было ничего; а теперь словно что меня тянет к нему. Лиза. Ах, девушка! Ну вот поди ж ты! знать, уж так судьба! Надя. И такой во мне дух сделался: ничего я не боюсь! Кажется, вот режь меня на части, я все-таки на своем поставлю. И отчего это так, не знаю.

Молчание.

Жду не дождусь ночи-то! Так, кажется, на крыльях бы к нему полетела. То одно держу в уме, что не даром я по крайней мере собой хороша, будет чем вспомнить молодость. (Задумчиво.) Думаю себе: молодой такой да хороший! Еще стою ли я, дура, чтоб он любил-то меня? Заглохнуть бы мне здесь, в этом захолустье, кабы не он. Лиза. Что это, Надя, ты словно как не в себе? Надя. Да и то не в себе. Пока она баловала меня да ласкала, так и я думала, что я такой же человек, как и все люди: и мысли у меня совсем другие были об жизни. А как начала она мной командовать, как куклой, да как увидела я, что никакой мне воли, ни защиты нет: так отчаянность на меня, Лиза, напала. Куда страх, куда стыд девался -- не знаю. Хоть день, да мой, думаю, а там что будет то будет, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замуж отдавай за пастуха, хоть в какой замок за тридцать замков запри -- мне все равно. Лиза. Кажется, барин идет.

Леонид выходит с противоположной стороны, в плаще.

Надя. Ну не красавец, что ль, это, а? Лиза! Лиза. Ах, перестань! Ты точно больная либо полоумная. ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Леонид.

Леонид (подходя). А я думал, что ты обманешь меня -- не придешь. Надя. Отчего вы так думали? Леонид. Да ведь ты говорила, что не любишь меня. Надя. Мало ли что девушки говорят, а вы им не верьте. Как вас не любить, красавца эдакого. Леонид (удивленный). Что ты, Надя! (Берет ее руку, несколько времени держит, потом целует.) Надя (в испуге отнимает руку). Ах! что вы это делаете! Голубчик, барин! Как вам не стыдно? Леонид. Уж я тебя очень люблю, Надя! Надя. Любите? Ну что ж, вы бы так меня поцеловали. Леонид. Можно, Надя, а? ты позволишь? Надя. А что ж такое за беда! Леонид (оборотившись). Ах,, и ты, Лиза, здесь... Лиза. Уйду, уйду!.. Мешать не буду. Леонид (сконфуженный). Я совсем не потому. С чего это ты выдумала? Лиза. Ну уж, не хитрите. Мы тоже знаем... (Отходит за кусты.) Леонид. Так ты мне позволишь поцеловать тебя? (Робко целует.) Да нет, дай мне руку поцеловать. Надя (прячет руки). Нет, нет, как можно! Что это вы!.. Леонид. Отчего же? Знаешь ли ты это: ты для меня теперь дороже всего на свете. Надя. Будто и правда? Леонид. Ведь меня еще никто не любил. Надя. Не обманываете вы? Леонид. Нет, право!.. Право, никто не любил. Ей-богу! Надя. Не божитесь: я и так поверю. Леонид. Пойдем сядем на лавочку. Надя. Пойдемте.

Садятся.

Леонид. Что ты так дрожишь? Надя. А разве я дрожу? Леонид. Дрожишь. Надя. Так, должно быть, озябла немножко. Леонид. Позволь, я тебя одену. (Одевает ее полый плаща и обнимает. Надя берет его руки и держит.) Надя. Ну, вот и давайте так сидеть да разговаривать. Леонид. Да об чем же мы будем разговаривать? Я только одно и буду говорить тебе, что люблю тебя. Надя. Вы будете говорить, а я буду слушать. Леонид. Да ведь это надоест одно и то же. Надя. Вам, может быть, надоест, а мне никогда не надоест. Леонид. Ну, изволь, я буду говорить, Я люблю тебя, Наденька. (Встает и целует ее.) Надя. Что ж это вы! А вы сидите смирно, как уговор был. Леонид. Так сложа руки и сидеть? Надя (смеясь). Так и сидеть. Вот слышите, в роще соловей поет. А вы сидите да слушайте. Как хорошо так слушать. Леонид. Как так? Надя. Да вот так, как мы с вами сидим. Кажется, всю жизнь так бы и сидела да слушала. Уж чего еще лучше, чего еще надобно... Леонид. Наденька, да ведь это, право, скучно. Надя. Вот вы каковы,

мужчины-то! Вам уж сейчас и скучно сделается. А я вот готова всю ночь просидеть да глядеть на вас, не спуская глаз. Кажется, про весь свет забуду! (У нее навертываются слезы, она нагибает голову, потом смотрит на Леонида пристально и задумчиво.) Леонид. Теперь бы хорошо на лодке покататься; погода теплая, месяц светит. Надя (рассеянно и почти машинально). Чего-с? Леонид. Покататься бы на лодке; я бы тебя перевез на островок. Там так хорошо, на островке. Ну, что ж, пойдём. (Берет ее за руку.) Надя (в задумчивости). Куда же-с? Леонид. Куда, куда? Я тебе говорил, разве ты не слыхала? Надя. Ах, извините, голубчик барин! Я задумалась и не слыхала ничего. Барии, миленький, простите! (Кладет голову ему на плечо.) Леонид. Я говорю: поедём на островок. Надя (прилегая). Ах, да куда вам угодно! Хоть на край света! Только бы с вами... Ведите куда хотите. Леонид. Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мне кажется, я заплачу, глядя на тебя. (Подходят к лодке.) Прощай, Лиза. Лиза (выходя из кустов, грозит). Смотрите вы!

Леонид и Надя садятся в лодку и уезжают.

Лиза. Вот и уехали! Дожидайся их тут! Страсти ведь это, да и только! Ночью, в саду-то, да еще и одна! Эко наше дело -- всего-то бойся! И человека-то бойся и... (Оглядывается.) Смерть ведь это! Человек-то бы еще ничего, все как-нибудь сговорить можно... Батюшки! Идет кто-то! (Смотрит.) Ну, ничего; это наши старики с гулянья. (Прячется.) ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выходят Потапыч в шинели и в шляпе с широкими полями и с тростью, немного под хмельком; Гавриловна в старомодной шляпке. Садятся на скамью.

Потапыч. Нет, ты, Гавриловна, не то... ты не говори!.. Барыня у нас такая... барыня добрая!.. Вот попросились мы на гулянье, ну, говорит, ступайте... А что про нее говорят... это я не знаю: не мое дело, ну я и не знаю. Гавриловна. Еще б нас-то не пустить, Потапыч! Мы с тобой не молоденькие, не избалуемся. Потапыч. Молодых нельзя, потому на все, Гавриловна, примеры. Какие человек пред собой имеет примеры, так и он все может... подобно как... Гавриловна. Ну, а вот зачем Гришку пустила? Сказала, не пущу -- ну и не пустила бы. Потапыч. Меня давеча Василиса Перегриновна смущала очень насчет Гришки... очень смущала, а я не знаю. Не мое дело, ну я и не знаю. Гавриловна. То-то вот, ты говоришь, примеры-то? Лучше бы она сама хороший пример показывала! А то только и кричит: смотри да смотри за девками! А что за ними смотреть-то? Малолетные они, что ли? У всякого человека свой ум в голове. Пушай всякий сам о себе и думает. Смотрят-то только за пятилетними, чтоб они не сболовали чего-нибудь. Эка жизнь девичья! Нет-то хуже ее на свете! А не хотят того рассудить: много ли девка в жизнь-то радости видит! Ну, много ли? -- скажи. Потапыч (вздыхает). Желтенькая жизнь. Гавриловна. То-то вот и есть! Стало быть, их пожалеть надо, а не то что обижать на каждом шагу. А то на что это похоже! Уж им и веры нет, словно они и не люди! Только куда девка нос высунула, так уж сторожа и ходят. Потапыч. Ведь нельзя же... Гавриловна. Чего нельзя-то? Все можно. Полно ты, Потапыч! Ты привык с чужих слов, как сорока, болтать, а ты сам подумай. Потапыч. А я не знаю... Я ничего не знаю. Гавриловна. Строгостью ничего не возьмешь! Хоть скажи им, пожалуй, что вот, мол, за то-то и то-то вешать будут -- все-таки будут делать. Где больше строгости, там и греха больше. Надо судить по человечеству. Нужды нет, что у них разум-то купленный, а у нас свой дешевый, да и то мы так не рассуждаем. На словах-то ты прикажи строго-настрого, а на деле не всякого виноватого казни, а иного и помилуй. Иное дело бывает от баловства, а иной беде и сам не рад. Потапыч. Теперь, если меня спросить... Так что я на это отвечать могу? Ну, что я тебе отвечу? Гавриловна. Ну, что? Потапыч. А вот что: я этого не знаю, потому это не мое дело... это дело барыни. Гавриловна. Ах ты, старина, старина! совсем-то ты из ума выжил. Потапыч. Я что

ж... я, по милости барыни, теперича у своей должности... Я все порядки свои веду... а я не знаю... Гавриловна. Пойдем-ка домой. Как бы и про нас с тобой чего не подумали.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ Лиза (выходит). Вот опять одна! Что же это голубки-то мои? Они, чай, и забыли про меня! Да уж где теперь им обо мне помнить! Батюшки, скоро рассветать станет! Ишь ты, ночи-то нынче короче воробьиного носу. Как тогда домой-то пройти? Эка эта Надя бесстрашная.

Входит Василиса Перегриновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лиза и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна. Ты, милушка, тут что делаешь? Лиза. Разве не видите? -- гуляю. Василиса Перегриновна. Вижу! Как не видеть! А что это за гулянье у вас по ночам? Лиза. А когда же нам гулять-то? Днем работаем да господам служим, а по ночам гуляем. Вот на вас так я дивлюсь! Неужто вы днем-то не нагуляетесь, что вам еще хочется по ночам бродить да людей пугать, словно как... Василиса Перегриновна. Что словно как?.. Ну, говори, говори. Лиза. Что? Ничего. Василиса Перегриновна. Нет, ты сказала: словно как... Ну, так говори ж теперь, словно как кто? Лиза. Ну, сказала так сказала. Василиса Перегриновна. Нет, ты увертываться не смей! Ты говори! Лиза. Да что вы пристали! Я, пожалуй, и скажу. Как кикимора. Василиса Перегриновна. Что, что! Как кикимора!.. Как ты смеешь, дрянная девчонка, а? Да что ж это такое! Вы меня живую в гроб вогнать хотите! А вот я найду здесь твоего любовника, да к барыне вас и приведу. Вот посмотрю я тогда, что ты запоешь. Лиза. Нет у меня любовника! Нечего вам и искать. Пожалуй, хоть весь сад обыщите! А хоть бы и был, так не ваше дело. Вам стыдно про это и говорить. Вы и знать-то про это не должны: вы барышня. Это к стыду вашему относится! Василиса Перегриновна. Пой. пой, милая! хорошо ты поешь, где-то сядешь! Даром ты по ночам шататься не станешь. Я ваши плутни-то знаю. Я вас всех на свежую воду выведу. Уж теперь раскипелось мое сердце, так хоть ты мне в ноги кланяйся, а я тебе не прощу этого. Лиза. Дождайтесь! Стану я вам кланяться, как же! Держите карман-то! Василиса Перегриновна. Нет, уж я теперь каждый кустик огляжу. Лиза. Оглядывайте.

Василиса Перегриновна смотрит по сторонам, потом подходит к пруду.

Василиса Перегриновна. А, вот оно что! Скажите пожалуйста, какую штуку придумали! В лодке! Обнявшись! Как это нежно! Точно на картинке на какой! Уж вам бы догадаться гитару взять да романцы петь!.. Целуются! Вот это хорошо! Вот прекрасно! Опять! Отлично! Уж чего лучше? Тьфу ты, мерзость! Смотреть противно! Ну, милые мои, будете вы меня помнить! Теперь разговаривать с вами нечего. Завтра я с вами поговорю. (Уходит.) Лиза. Вот нелегкая нанесла! Не расхлебаешь теперь беды-то.

Леонид и Надя пристают к берегу и выходят из лодки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лиза, Надя и Леонид.

Лиза. Что вы наделали! что вы наделали!.. Надя (не слушая ее, тихо Леониду). Придете завтра? Леонид. Приду. Лиза. Да что ты, не слышишь, что ли? Надя. Коли мне нельзя будет, так я вам как-нибудь записочку передам. Леонид. Хорошо. Надя. Ну, прощайте.

Целуются.

Лиза (громко). Да Надя!.. Надя (подходит к Лизе).

Леонид садится на скамью.

Что тебе? Лиза. Василиса Перегриновна видела, как вы на пруде катались. Надя. Ну, бог с ней. Лиза. Ну, девка! Не сносить тебе своей головы! Леонид. Надя!

Надя подходит.

Ах, Надя, какой я дрянной, негодный мальчишка! Надя. Что это вы! Леонид. Наденька! (Шепчет ей на ухо.) Надя (качает головой). Ах, голубчик вы мой! Что это вам в голову пришло! Я не тужу, а вы тужите; какой добренький! Ну, прощайте! Пора нам. Не ушла бы я от вас, да нечего делать: не своя воля. Леонид. Ну, прощай!

Медленно, как бы нехотя, расходятся. Надя возвращается, догоняет Леонида и смотрит ему в глаза.

Надя. Любишь меня? Леонид. Люблю, люблю!

Целуются и уходят в разные стороны.

Комната второй картины.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ [2]

Потапыч становится у притолоки и держится за голову. Василиса Перегриновна входит тихо.

Василиса Перегриновна. Со вчерашнего, должно быть, друг мой? Потапыч. Чего-с? Василиса Перегриновна. Голова-то болит. Потапыч. Вы, што ль, мне денег-то давали? Василиса Перегриновна. На что другое у вас нет, а на это найдете. Потапыч. Ну, так, стало быть, и не ваше дело. Василиса Перегриновна. Конечно, Потапыч, ты старый человек, отчего тебе и не выпить иногда! Потапыч. Само собою. Чай, трудимся... Василиса Перегриновна. Так, так, Потапыч! Потапыч. Уж нам выговоры-то от вас надоели. Василиса Перегриновна. Добра вам желаю, Потапыч! Потапыч. Да уж не надо!

Молчание.

Да вы барыню вот расстроиваете! Чем бы за нас словечко замолвить, когда она в веселом духе, а вы нарочно дурного часу ищете, чтоб на нас пожаловаться. Василиса Перегриновна. И, что ты, Потапыч, сохрани меня бог! Потапыч. Да уж что! Как ни божитесь, я вас знаю! Вот хоть бы теперь, вы зачем идете к барыне? Василиса Перегриновна. С добрым утром поздравить благодетельницу. Потапыч. А вы не ходите лучше! Василиса Перегриновна. А что? Потапыч. Должно быть, левой ногой с постели встала; на свет не глядит.

Василиса Перегриновна потирает руки от удовольствия.

Вот уж я и вижу, что вы рады; вас так и подмывает сдьяволить что-нибудь. Тьфу! прости господи! Уж такой карахтер! Василиса Перегриновна. Обидные ты мне, Потапыч, слова говоришь, до самого до сердца обидные. Когда я про тебя что-нибудь барыне говорила? Потапыч. А не про меня, так про другого про кого-нибудь. Василиса Перегриновна. А уж это мое дело. Потапыч. И все ведь это в вас ехидство действует. Василиса Перегриновна. Не ехидство, не ехидство, мой друг! Ошибаешься ты! Я такую обиду над собою видела, что на свете жить нельзя после этого. Умирать буду, не забуду.

Уланбекова входит, Потапыч уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Уланбекова и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна (целуя обе руки Уланбековой). Раненько встали, благотельница! Заботы-то у вас больно много. Уланбекова (сядась). Не послалось что-то! Дурной сон видела. Василиса Перегриновна. Что сон, благотельница! И страшен сон, да милостив бог. Не сон, а наяву-то что делается, расстроивает вас, благотельницу. Вижу я это, давно вижу. Уланбекова. Ах, да что мне за дело, что там делается? Василиса Перегриновна. Как же, благотельница, разве мы не знаем, что душенька ваша о всякой твари печется? Уланбекова. Надоела ты мне. Василиса Перегриновна. Жаль мне вас, благотельница! Не дождетесь вы себе в этой жизни отрады! Вы всем благодеяния рассыпаете, а чем вам платят за это? Мир-то полон разврата. Уланбекова. Отойди! Василиса Перегриновна (плача). Слезами я заливаюсь, глядя на вас! Сердце мое кровью обливается, что вас, благотельницу, не уважают, дому вашего не уважают! В вашем ли честном доме, в таких ли местах благочестивых, такие дела делать! Уланбекова (нахмурив брови). Ты ворона! Ты каркать хочешь что-нибудь. Ну, каркай! Василиса Перегриновна. Благотельница, не расстроить бы вас, боюсь я. Уланбекова. Уж ты расстроила. Говори. Василиса Перегриновна (оглядывается во все стороны и садится на скамейку у ног Уланбековой). Кончила я, благотельница, вчера свою вечернюю молитву творцу небесному и пошла по саду погулять, благочестивыми размышлениями на ночь заняться. Уланбекова. Ну! Василиса Перегриновна. И что же я там увидела, благотельница! Как меня ноги сдержали, уж я и не знаю! Лизка бегает по кустам в развращенном виде, должно быть, любовников своих ищет; ангельчик наш, барин, катается на пруду в лодке, а Надька, тоже в развращенном виде, уцепилась ему за шею руками и лобзает его. И как это видно было, что он, по своей непорочности, старается ее оттолкнуть от себя; а она все хватает его за шею, лобзает и соблазняет. Уланбекова. А если ты врешь? Василиса Перегриновна. Четверить себя позволю, благотельница. Уланбекова. Если в твоих словах есть хоть капля правды, так уж и этого довольно. Василиса Перегриновна. Все правда, благотельница. Уланбекова. Вздор! не может быть, чтобы все! Ты всегда больше половины сочиняешь. А где ж люди были? Василиса Перегриновна. Все, благотельница, пьянехоньки. Только вас уложили, все и ушли на гулянку, да и напились. И Гавриловна, и Потапыч, все пьяные. Какой пример молодым-то! Уланбекова. Это дело надо разобрать хорошенько. Ну, уж я никак бы и не подумала на Леонида. Вот они, тихенькие-то! Ну еще будь он военный, так извинительно бы, а то... (Задумывается.) Василиса Перегриновна. Да вот еще, благотельница, Гриша-то до сих пор с гулянки не бывал. Уланбекова. Как? И не ночевал дома? Василиса Перегриновна. Не ночевал, благотельница! Уланбекова. Врешь, врешь, врешь! Со двора сгоню! Василиса Перегриновна. Издохнуть на этом месте. Уланбекова (опускаясь в кресло). Ты меня уморить хочешь! (Поднимаясь с кресла.) Ты меня просто уморить хочешь. (Звонит.)

Входит Потапыч.

Где Гриша? Потапыч. Сейчас пришел-с. Уланбекова. Позови его сюда!

Потапыч уходит.

Однако это уж из рук вон! Василиса Перегриновна. Не найти вам, благотельница, никого преданнее меня; только одним я и несчастлива, что характер мой вам не нравится.

Входит Гриша, растрепанный и взъерошенный.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Гриша.

Уланбекова. Ты где был? Гриша (то открывает, то закрывает глаза, нетверд в языке и на ногах). На гулянке-с. Уланбекова. До сих-то пор?

Гриша молчит.

Что же ты молчишь?

Молчание.

Дождусь ли я от тебя слова или нет? Василиса Перегриновна. Отвечай барыне. Гриша. Вам что еще! Уланбекова. Отвечай мне, где ты был до сих пор? Гриша. Виноват-с! Уланбекова. Я не об том у тебя спрашиваю, виноват ты или нет; я у тебя спрашиваю, где ты был? Гриша (смотрит в потолок и хлопает глазами). Где ж мне быть-то! Что ж такое; обыкновенно где. Уланбекова. Ну, где же? Гриша. Да я вам докладывал, что все там же-с. Уланбекова. Ты меня выводишь из терпения! Где там? Гриша. Да что же такое-с! На все ваша воля-с. Я что же-с... я виноват-с. Уланбекова. Боже мой! Да ты и пьян еще, кажется. Гриша. Никак нет-с. Уланбекова. Как нет? Я вижу. Гриша. Что же такое-с! Про человека все можно сказать. Уланбекова. Ах ты, мерзкий мальчишка! Он еще запирается! Это ужасно! это ужасно! Ну, говори сейчас, где был? Гриша. Что же-с! Я вам докладывал-с. Уланбекова. Целую-то ночь ты был на гулянье? Гриша. Я вам докладывал-с. Уланбекова. Как же ты смел, когда я тебя отпустила не надолго? Гриша. Что же-с! Я и хотел идти домой, да не отпустили-с. Уланбекова. Кто же тебя не отпустил? Гриша. Знакомые не пустили-с. Уланбекова. Кто же у тебя знакомые? Гриша. Что же-с! Приказные знакомые. Уланбекова. Боже мой! Приказные! Понимаешь ли ты, что это за народ? Гриша. Кто-с, приказные-то? Что ж их понимать-то-с? Уланбекова. С ними-то ты нею ночь и шлялся! Лучше б уж ты мне и не говорил, мерзавец ты этакой. Знаю я их поведение-то! Они всему научат. Что же это такое! Поди вон! И не смей мне показываться на глаза! Василиса Перегриновна. Проси прощенья, дурак! целуй у барыни ручку!

Гриша, махнув рукой, уходит.

Уланбекова. Это наказание! Я просто больна сделаюсь! Я уже чувствую, что у меня спазмы начинаются! Какой негодяй мальчишка! Ушел, точно ему и нужды нет! И никакого раскаяния не видно. Василиса Перегриновна. Ах, благодетельница! ведь он еще ребенок, больше по глупости. Уланбекова. Нет, его надо бы хорошенько. Василиса Перегриновна. И, что вы, благодетельница! Еще совсем глуп мальчишка! Что с него и требовать-то! Вот поумнее будет, тогда другое дело. Уланбекова. Больше всего меня оскорбляет неблагодарность! Кажется, он должен бы чувствовать, что я для него делаю. Я больна совсем. Пошли за доктором! Василиса Перегриновна. Успокойтесь, благодетельница. Стоят ли они того, чтобы вы из-за всякой дряни себя раостроипали! Уланбекова. Подай мне спирт. Василиса Перегриновна (подает). Плунуть на них, да и все тут. Хоть бы теперь эти девки... Уланбекова. Ах, вот еще наказанье-то! Я теперь

и с мыслями не соберусь, совершенно расстроена, а она тут с девками. Я того и гляди в постель слягу. Василиса Перегриновна. Уж и разврату-то, благотельница, терпеть мочи нет. Уланбекова. Нет, уж они-то не жди от меня милости. А то одного прости, другого прости, так весь народ перебалуешь. (Звонит.)

Входит Потапыч.

Позови Надежду и сам приходи!

Потапыч уходит.

Вот что значит женщина-то! Будь я мужчина, разве бы посмели так вольничать? Василиса Перегриновна. Ни во что, благотельница, вас считают, ни во что. Ни капельки таки не боятся. Уланбекова. А вот они увидят сейчас, что я значу.

Входят Потапыч и Надя. Гавриловна и Лиза смотрят и двери.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Потапыч и Надя.

Уланбекова. Надежда! Василиса Перегриновна говорит, что видела тебя с барином нынче ночью в саду. Правда ли это?

Надя молчит.

Ты молчишь, значит, правда. Ну, уж теперь пеняй на себя. Я разврату не потворщица и терпеть его в своем доме не хочу. Прогнать мне тебя, чтобы ты шлялась везде, я не могу: это на моей совести останется. Я должна тебя отдать замуж. (Потапычу.) Послать в город и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорее, как можно. (Встает со стула и хочет идти.) Надя (падая ей в ноги). Что хотите, только не за него замуж! Уланбекова. Это вздор! Что я сказала, то свято. Да и что за сцены такие? Ты разве не видишь, что я нездорова? Еще расстраивать меня! Потапыч! У ней отца нет, ты ей будь вместо отца, внуши ей по-отечески, как гнусно ее поведение и что она должна исполнять мои приказания. Потапыч. Ты, Надежда, слушай, что барыня приказывает! Потому как они мне тебя поручают, значит, я должен свою власть показать над тобою. Коли, сударыня, прикажете, я могу сейчас же при вас собственноручно ей нравоучение сделать! Вот смей хоть одно словечко напротив сказать, тут же и оттаскаю, ни на кого не посмотрю. (Замахивается.) Надя. Ах!.. (Пригибается.) Уланбекова. Не бей ее! Что за сцены отвратительные! Потапыч. Да как же, сударыня! Так с ними не сговоришь! Опять же, коли я отец, так уж это прямое дело! На то есть закон, и при всем том, как она вам теперича противится, так я и для вас должен это удовольствие сделать. Надя (плача). Сударыня, не губите

меня! Уланбекова. Ах, боже мой! Вы меня совсем не бережете. Слезы, драки! Пошлите сейчас за доктором! Сколько мне раз говорить! А ты сама виновата, не на кого тебе плакаться. Потапыч! чтобы это дело было кончено. Я не люблю десять раз повторять одно и то же. (Уходит. Гавриловна за ней.)

Молчание. Гавриловна возвращается.

Гавриловна. Улеглась в постель и на свет не глядит! Потапыч (в окно). Антошка! Антошка! Фалетор! Седлай лошадь, поезжай в город за доктором. Ах ты, господи! Надя (вставая с колен). Как вам не грех обижать меня, Потапыч! Что же я вам-то сделала? Потапыч. Мне что же! Мне до тебя какое дело! А как, собственно, на то есть господская воля, ну я и должен потрафлять во всем; потому я должен раболепствовать. Надя. Вам бы убить меня приказали, вы бы и убили? Потапыч. Уж это не наше дело, мы этого рассуждать не можем. Гавриловна. Полно, Надя, не плачь! Бог сирот не оставляет.

Надя падает ей на грудь.

Лиза (Василисе Перегриновне). Ну, что, весело теперь вашему сердцу? Василиса Перегриновна. Погоди, милая, и до тебя очередь дойдет.

Леонид входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Леонид.

Леонид. Что такое? Что случилось? Василиса Перегриновна. Набедокурили сами, да и спрашиваете, что случилось. Леонид. Что я набедокурил? Что вы все выдумываете? Василиса Перегриновна. Уж не притворяйтесь! Теперь все наружу вышло. Пошалили немножко! Что ж такое! В ваши лета, да и не пошालить! Лиза. Уж она все барыне отлепортовала. Барыня так разгневалась, что беда! Уж теперича Надю, сударь, за того за приказного отдают. Леонид. Неужели? Надя. Кончено дело, барин голубчик! Приходится мне отвечать за вчерашнее гулянье. Леонид. Очень сердита маменька? Гавриловна. Уж и не подходи никто. Леонид. Как же это быть-то? Как-нибудь уговорить нельзя ль? Гавриловна. Подите-ка попробуйте. Нет, уж она теперь дней пять из комнаты не выйдет и никого к себе пускать не велела. Василиса Перегриновна. А вам хочется уговорить маменьку? Леонид. Да. Василиса Перегриновна. Хотите, научу? Леонид. Сделайте милость, Василиса Перегриновна! Василиса Перегриновна. Ну уж, извольте. Благотельница наша обиделись очень на Гришку, что он не ночевал дома, пришел пьяный, да еще и прощенья не попросил, ручку не поцеловал. От этого огорчения они и больны-то сделались. Уж Надежда-то так, под сердитую руку попала. Теперь наша благотельница и из комнаты не выйдет и никого к себе не пустит, пока этот противный Гришка прощенья просить не будет. Гавриловна. А, так тут вот такая контра вышла. Ну, уж Гришка тоже своей характер выдержит. Он хоть и дурак, а себе на уме; он теперь завалится на сено, да дня четыре на брюхе и пролежит. Потапыч. Взять бы орясину -- после дяди Герасима, да с хазового-

то конца и начать охаживать. Василиса Перегриновна. Вот теперь, барин наш хороший, не угодно ли вам будет ему поклониться, чтобы он поскорей шел у маменьки прощенья просить. Леонид (подумав). Ну, уж это ему много чести будет. А что, Гавриловна, маменька в самом деле очень сердится? Гавриловна. Так, сударь, сердится, что беда! Леонид. Что ж теперь делать-то? Надя. Да что вы хлопчете-то! Ничего ведь вы сделать не можете: уж оставьте лучше! Вы же теперь скоро уедете в Петербург; веселитесь себе; что вам об таких пустяках думать, себя беспокоить! Леонид. Да ведь мне тебя жалко! Надя. Не жалейте, пожалуйста! Я сама как сумасшедшая на беду лезла, не спросясь ума-разума. Леонид. Как же ты теперь думаешь? Надя. А уж это мое дело. Леонид. Да ведь тебе будет очень тяжело. Надя. Вам-то что за дело! Вам зато весело будет. Леонид. Да зачем же ты так говоришь? Надя. Затем, что вы мальчик еще!.. Оставьте! Леонид. Да ведь он пьяный, скверный такой! Надя. Ах, боже мой! Уж ехали бы вы лучше куда-нибудь, с глаз долой. Леонид. А в самом деле я лучше поеду к соседям на неделю. Надя. Ну и с богом! Леонид. А как уж очень-то тебе, Надя, тяжело будет с мужем-то жить, что ж тогда? Надя (плача). Ах, оставьте вы мши! Сделайте милость, оставьте! (Рыдая.) Об одном я вас прошу: оставьте меня, ради бога! (Рыдает.) Гавриловна и Лиза (машут руками). Ступайте! Ступайте! Леонид. Что ж вы меня гоните! Мне, чай, жалко ее! Я все-таки подумаю, может быть, можно еще как-нибудь помочь ей. Надя (с отчаянием). Ни помощников, ни заступников мне не надо! не надо! Не хватит моего терпения, так пруд-то у нас недалеко! Леонид (робко). Ну, я, пожалуй, уеду... Только что она говорит! Вы, пожалуйста, смотрите за ней! Прощайте! (Идет к дверям.) Надя (вслед ему громко). Прощайте!

Леонид уходит.

Лиза. Видно, правда пословица-то: кошке игрушки" а мышке слезки